

БИРОБИДЖАНСКИЙ БОГАЧ

Артель «Колесо революции»

Переселенцы, прибывающие в Биробиджан, – люди из разных городов, из разных областей и даже из разных республик, будучи пассажирами одного поезда, представляют собой – иначе не скажешь – одну большую семью. Боль одного – это общая боль, чья-то радость – радость для всех. Случись у человека неприятность, ему и посочувствуют, и утешат, и дельный совет подадут. Да тут никому и в голову не придет, что может быть как-то иначе.

Но вот только-только прибывшие в пункт назначения сошли с поезда, как их немалочисленное семейство, смотришь, уже распалось на «семьи» не столь солидные: кузнецы в одной такой «мишпохе», сапожники – в другой, столяры объединились со столярами. Короче говоря, люди одной профессии или специальности как бы стихийно образуют особые группы и группки. Как это в русском присловье? «Рыбак рыбака видит издалека»...

Впервые переночевав в своем новом – конечно же, временном – доме, люди прямо с утра разными дорогами отправляются на городские предприятия. Мало ли что приходилось им слышать о Биробиджане еще там, в старом их доме, и уже в поезде, в дальней дороге. Не лучше ли всего посмотреть на все собственными глазами, а после уже решать, где кому устраиваться работать? И речь при этом ведется не столько о величине вероятных заработков, сколько о простом человеческом интересе. Найти место с достойной оплатой человеку работающему здесь, в Биробиджане, не так уж сложно – в этом отношении у переселенцев каких-то сомнений вообще не возникает.

Удачнее всего заканчиваются «походы» по городу в «семье» металлистов – мастеров кузнечного дела, слесарей, токарей, жестянщиков: они тут в городе всюду, что называется, гости желанные. Ждут их здесь на механическом заводе, на железной дороге, на обозном заводе, в ремонтно-механических мастерских, на фабриках и отчасти – в небольших артелях. Разумеется, за один день все эти предприятия никак не обойти: ведь от одного до другого расстояния таки приличные.

Меньше нужды много ходить по городу у рабочих строительных специальностей и уж совсем мало такой необходимости – у сапожников: для них в Биробиджане, так сказать, уготовано всего два возможных пункта трудоустройства – обувная фабрика и артель «Новый путь».

Сегодня как раз в эту артель и заглянули двое сапожников из Умани. Случилось так, что время их визита к обувщикам-артельщикам пришлось как раз на полуденный перерыв, и низкие рабочие столики мастеровых – из тех, кто не пошел «столоваться» домой, а прихватил с собой то ли узелок, то ли сверток – на время превратились в рабочем помещении в обеденные. Эти несколько человек с ложками и кружками посетителей и встретили. Кто они такие, откуда и зачем в мастерской появились, нашим уманцам объяснять не понадобилось: биробиджанские старожилы, что называется, с полу взгляда узнают вчерашнего переселенца.

– Верно, с Украины? – вопросом отвечал на приветствие нечаянных гостей один из биробиджанских.

– Да, из Умани, – прозвучало в ответ.

– Почти что земляки. Я тоже с Украины. Из Черкасс. Сидайтэ, будь ласка, ось тут, – приветливо улыбнувшись и не переставая жевать, кивнул пришедшим на соседние столики их «почти земляк».

И по тому, как, присев на низенькие скамеечки, один из пришедших любовно оглядел лежащие на столике инструменты и легко пробежался по ним пальцами, а товарищ его, ловко крутнув в одной руке молоток, другой поиграл отщелкавшими лихую чечетку тисками, трудно было не заметить, как оба уманца соскучились по привычному занятию. Видно, неспроста этот второй – Мордко Литвак – помнится, всю дорогу твердил, что он еще покажет тому Биробиджану, как умеют работать настоящие профессионалы. И вот сейчас через какие-то секунды, кажется, даже сам того не осознав, он уже держит между коленями железную «лапу» с надетым на нее сапогом, а в руке – вскинутый молоток. Губы его при этом сжимают ровный рядок деревянных колков-гвоздочек: а ну, не желаете ли, мол, дорогие биробиджанцы, подивиться, кто такой и каков он в своем деле, ваш сегодняшний гость?..

Не проходит и десятка минут, как все присутствующие меж собой уже на дружеской ноге и обращаются друг к другу по именам. Ну и понятно, что больше всего здесь говорят биробиджанцы, а уманцы всего лишь вопросы им задают. Первый из вопросов – «Ну как тут у вас жизнь?»

– Да уж как-то так, – с лицом и интонацией только проснувшегося человека не сразу дал ответ на расхожий вопрос Шлойме Бунимович – тот самый, из Черкасс.

– Что значит это «уж как-то так»? – озадачились уманцы.

– Короче говоря, давайте пока не будем об этом, – «уточнил» смысл своих слов Бунимович и снова принял сосредоточенно хлебать варево из чугунка, обернутого куском грубой ткани.

– Шлойме, не тяни меня за язык, – отозвался на реплику Бунимовича сапожник, сидевший поодаль у самой стены. – Если уж ты сказал свое «как-то так», то уж и говори, как оно так. Тебя же люди всерьез спросили, – и, помолчав, добавил – ладно, может, за тебя про все рассказывать буду уже я?

Уманцы недоумленно переглянулись: дескать, о чем о таком им рассказать этот человек хочет? Ну так и добро – давай его и послушаем.

– Ну так что, Шлойме, уговорились?

– Шо ты с меня хочешь, Юда? – отозвался Бунимович. – Или ты себе думаешь, что раз у тебя все гладко да ладно, то оно и у всех так? – и, кивнув в сторону товарища, Шлойме объяснил переселенцам: – Юде Беленькому про здешнюю жизнь хорошо говорить – он у нас богатей. Каждый месяц кучу денег получает. А кроме того...

– Ха, вы думаете, Шлойме шутит? – вступил в разговор еще один мастеровой. – Юда у нас – тьфу-тьфу, не сглазить бы – и правда не из бедняков. Как-никак первый стахановец он у нас в артели.

– Да, я, как вы тут меня назвали, – таки да – человек богатый. Но вот почему бы и тебе, Шлойме, таким же богачом не стать? Или, может, тебе кто-то всегда сильно мешал?

Биробиджанский «богач» Юда Беленький, занимающий место за длинным сапожническим столиком, – рослый осанистый мужчина с чисто выбритым светлым лицом и высоким лбом. Одет лучший специалист артели по-рабочему: на нем простые полотняные брюки и ситцевая рубашка. Но только брюки его выглядят так, как будто они только что из-под утюга, а рубашка, что называется, снега белей. Ни дать ни взять жених на свидание собрался, хотя, судя по всему, человеку далеко за сорок, если не все пятьдесят.

– Как я погляжу, – обращаясь уже к уманцам, заговорил Беленький, – вы не из тех людей, которые трудностей боятся. Я про таких говорю не «ундзэрэ мэнчин», как у нас, евреев, принято, а «майнэ мэнчин» – «мои люди», иначе сказать – биробиджанцы. И по моему твердому убеждению, биробиджанец – это человек, который приехал сюда, как я опять же говорю, «весь и со всем, что у него есть». По-другому сказать, приехал, чтобы здесь, у нас новую жизнь для себя начать, дом для себя и своих детей и внуков построить и больше никаких там умыслов да замыслов даже в уме не держать. Всех других-прочих я за биробиджанцев просто не принимаю. Ну и, пожалуй, возьмем тут для примера такого еврея, как – вот он – наш Шлойме Бунимович. Сколько, вы думаете, он здесь живет? Лет восемь однако уж, а вот до прошлого года я его считать за своего еврея и не считал. (При этих словах Бунимович пробурчал себе под нос что-то неразборчивое.) А кто в этом виноват? Сам же он. С первого дня здесь на чемоданах человек сидел. То сюда уехать хотел, то туда перебраться. Короче говоря, не жилось ему никак на одном месте. Только в один прекрасный день, наконец, дошло до него пусть хоть уж каким-никаким хозяйством обзавестись. Смотрю, избу себе построил, садик рядом посадил… Да и в артели – это вам все скажут – у него с работой дела пошли веселей. Что? Или я что-то не то и не так сказал, Шлойме?

– Да все так. Зачем тут мне надо спорить? – согласился Бунимович со вздохом самоосуждения. – Быть бы мне сразу-то поумней...

– Да, у того, кто приезжает к нам сюда как к себе домой, у того тут и жизнь налаживается, – продолжал Беленький. – И разве не благодаря таким людям наш Биробиджан городом стал? Так что теперь здесь жить можно и, если можешь, то и хорошо можно жить. Только ведь не сразу и не само собой все оно получается. Я сам тому свидетель живой. Видели бы вы, какие тут поначалу условия были… Тяжко нам приходилось, что уж там скрывать. Вот, говорят, человек в муках рождается, а разве и город не так же? Только я так скажу: у любого доброго дела легкого начала наверняка не бывает, но если человек за такое дело взялся да от него не отступил, все как надо получается. О заработках то же самое можно сказать. Вот меня тут сейчас богачом называют. Вроде как и не совсем всерьез, только ведь и неспроста. Дом я себе построил? Построил. Хороший дом, красивый. Корова у нас в хозяйстве, пару свиней каждый год откармливаем, ну а о работе моей здесь вам уже сказали… Да, теперь у меня здесь и сад есть свой, и огород приличный. Сами с

этого всего неплохо питаемся, еще и на продажу кое-что остается. Ну так богач я или нет? Только учтите, что в Биробиджане таких богатеев, как я, не так уж и мало. Могу для примера назвать хотя бы Мойшу Городецкого, дамского портного со швейной фабрики, и еще добный десяток биробиджанцев, таких, которые куда как богаче меня. Короче, если хотите сегодня вечерком заглянуть ко мне в гости – милости просим. В доме у меня есть пожалуй что все, что в хороших домах иметь принято. Только вот чемоданов у меня вы при всем своем желании точно не найдете, – со смехом заключил свой монолог «богач» Юда Беленький.

За разговорами уманские сапожники уже и забыли, зачем они пришли в «Новый путь». Хотя, кажется, сколько вопросов они поначалу хотели задать биробиджанским! Случилось же так, что здешний «богач» Юда Беленький легко и просто ответил на все так и не прозвучавшие вопросы уманцев, и теперь обоим им оставалось только решить, где они будут работать. А начать и продолжать трудиться здесь уж наверное стоит только так, как это вышло-получилось у самого этого Юды Беленького, у того Мойши Городецкого и у всех других биробиджанцев с солидным дальневосточным стажем. Ведь не вдруг и не сразу брошенное в борозду зерно тяжелым колосом становится, а камень, как сказал давеча на вокзале кто-то из здешних казаков, только на одном месте мхом обрастиает.

Тут в дверях мастерской появился председатель артели и торжественно объявил:

– Внимание, товарищи! Он сегодня опять к нам придет.

– Слушайте, а чего это вы все молчите? Объясните новым товарищам, о ком я говорю. «Он» – это Хазанов, артист нашего Биробиджанского еврейского государственного театра имени Кагановича. Если вы нашего Хазанова увидите, вы обязательно скажете, что перед вами стоит живой Тевье-молочник – именно такой человек, каким точь-в-точь и представляют себе наши биробиджанцы шолом-алейхемовского героя после того, как Хазанов выступил на сцене в роли Тевье.

И далее уманцам была рассказана следующая история. С месяц назад сапожники «Нового пути» всем коллективом побывали в театре, где шел спектакль с участием Хазанова в его коронной роли, и были прямо-таки восхищены игрой талантливого актера. На следующий день артельщики отправили своего человека в дом Хазанова, чтобы узнать размеры обуви членов его семейства. Самого его дома в то время не оказалось.

– Вы же хорошо знаете Тевье-молочника? – обратился посланец артели к жене актера. – Вчера ваш супруг заказал мне пошить обувь для всей вашей семьи. Так вот я сейчас пришел снять с вас мерки.

Спустя несколько дней к Хазановым, рассчитав, когда главы семейства снова не было дома, к ним опять явился (уже другой) сапожник из артели и вручил жене актера красивую коробку с несколькими парами туфель. На крышке коробки было написано: «Подарок нашему дорогому Тевье-молочнику от почитателей его таланта».

В тот же день в артель «Новый путь» пришел сам Хазанов и прямо с порога спросил:

– Это вы мне прислали подарок?

Не услышав от присутствующих ни слова в ответ, после некоторого молчания пришедший сказал:

– Ну хорошо. Как это там в одном из наших мидрашей написано? «За добро плати добром, за зло – справедливостью». Так, кажется?

– Так. Да разве ж Тевье ошибается?

– Так вот почитатели – пусть они все мне будут только здоровыми – должны знать и быть уверенными, что советские артисты высоко ценят подарки от народа. И лично я буду теперь считать себя должником ваших прекрасных мастеров.

– Приятно вас слышать. А мы, со своей стороны, готовы дать вам возможность с вашим долгом таки рассчитаться, – отозвался со своего места Юда Беленький.

– Каким же образом, уважаемый?

– А вы найдите время прийти к нам сюда, чтобы почитать нам что-нибудь из рассказов Шолом-Алейхема.

И, не ожидая от Хазанова ответа на предложение Юды, сапожники стали наперебой называть заглавия шолом-алейхемовских историй.

– О, да я вижу, народ здесь у вас собрался знающий, – откликнулся «Тевье». – Предложение принимается!

Тут же было решено: раз в неделю Хазанов будет приходить в артель и читать сапожникам произведения Шолом-Алейхема. Правда, с одним условием: поскольку вечерами артист занят в своем театре, в «Новом пути» он будет выступать в дневное время. Одна загвоздка: днем в артели люди тоже без дела не сидят. Уговорились так: в день, когда к мастеровым будет приходить чтец, артель будет заканчивать работу на час позже обычного.

В первый же день выступления Тевье-Хазанова перед сапожниками в мастерской «Нового пути» собирались все их семьи: в помещении, что называется, яблоку негде было упасть. Везде, где можно было сидеть, люди сидели, везде, где можно было стоять, люди стояли. Но настроение у всех присутствующих было прямо-таки праздничное. Радовал глаз и большой портрет Шолом-Алейхема, вывешенный на стене, на самом видном месте.

На этот раз Хазанов читал шолом-алейхемовский рассказ «Если бы я был Ротшильдом». Уже первые слова чтеца с импровизированной сцены были встречены громким смехом слушателей. Люди смеялись от души, хохотали до слез на глазах. И только тогда когда артист, выдержав паузу, с непередаваемой интонацией произнес: «И где же мне взять трешницу, чтобы достойно встретить субботу?», в «зале» воцарилась тишина. Наверняка каждый невольно погрузился в воспоминания о собственном тяжелом прошлом, о постоянной нужде, с которой в полунищих mestechkakh довелось быть близко знакомым каждому из присутствующих.

– Это точно из нашего старого Василькова история взята, – нарушил тишину взволнованный голос одного из сапожников.

– Э, а разве ж в наших Прилуках таких мечтателей о ротшильдовских капиталах мало было?

– А у нас в Каменец-Подольском тоже, помню...

– А вот в Биробиджане сейчас таких горе-ротшильдов теперь нет, – прервал незаконченную реплику биробиджанский «богач» Юда Беленький. И обращаясь уже к переселенцам из Умани, уверенно заключил:

– Мечты мечтами, слова словами... И если вы слышали то, что я вам тут говорил, да еще и хорошо слышали, нет ничего на земле главнее дел наших. И тот, кто понимает это умом и сердцем, тот и есть наш человек – человек из Биробиджана. Верно я говорю, хаверим?

Перевод с идиша Валерия Фоменко